

*М. Ф. Ершов,
Д. В. Филипчук*

РОМАН «ЮЖНЫЙ КРЕСТ» ЮРИЯ СЛЕПУХИНА: В ПОИСКАХ СВОБОДЫ

В отечественной литературе второй половины XX века почти не нашлось места описанию жизни тех, кто оказался вдали от родины после Второй Мировой войны. Отношение к эмигрантам второй «волны», надо сказать, было резко отрицательным. Для большинства советских людей все, кто вышел за пределы «железного занавеса» после окончания войны, — изменники, пособники врага. Мир, победивший фашизм, снова источал злобу и ненависть.

Ко второй «волне» принадлежали прежде всего так называемые кулаки и подкулачники, выходцы из дворянского и купеческого сословий, зажиточные мещане. Сюда можно причислить и «повторных эмигрантов», которые по мере продвижения Красной Армии покидали китайские Харбин и Шанхай, ставшие родными Балканы, Чехословакию, Францию и в дальнейшем выплеснулись в широком рассеянии — от Австралии до Южной Америки. В самой Германии, в пределах Третьего Рейха, к 1945 году находилось несколько миллионов «остарбайтеров» — восточных рабочих, насильно вывезенных из оккупированных территорий Советского Союза, и советских военнопленных.

Отдельно необходимо отметить большое число добровольно служивших в войсках германской армии — казаков, солдат РОА и членов других антисоветских вооруженных формирований. По окончании войны их ждала печальная участь: сдавшись на милость союзникам, все они, в нарушение договоренностей, были переданы советской стороне, причем тысячи успели покончить с собой до отправки в Союз. Ещё большее число было тут же или позднее расстреляно, огромное число их погибло в лагерях.

После подобных сталинских «профилактических мер» на территории послевоенной Европы, лежащей в разрухе, оставалась огромная масса «Displaced Person» (т. н. «перемещённых лиц», сокращенно «ди-пи»). Спустя полтора года после окончания войны их насчитывалось свыше полутора миллионов, из которых советских граждан было около трёхсот тысяч. Всего же за «железным занавесом», как утверждают исследователи, оказалось свыше миллиона человек. Они-то и составили основную массу второй «волны».

Одним из «ди-пи» оказался и Юрий Григорьевич Слепухин. Его, однако же, трудно полностью отнести к писателям русской эмиграции. Как писатель он состоялся уже после возвращения. Опыт жизни на чужбине у Слепухина — пятнадцать лет. Но каких лет: четыре года — в условиях фашистской каторги, затем — двухлетние скитания по Бельгии и переезд в Аргентину. А потом — возвращение в СССР, неожиданное для большинства эмигрантов, в основной массе непонятое, даже проклинаемое.

История Ю. Слепухина-эмигранта типична для тысяч наших соотечественников, история Ю. Слепухина-возвращенца — уникальна. В 1942 г. вместе с семьёй он был угнан на принудительные работы в Германию. После окончания войны, опасаясь репрессий в случае возвращения в СССР, получил статус перемещённого лица, сменив фамилию на принадлежавшую матери отца. Работал строителем, механиком, электриком, художником-оформителем, сотрудничал в буэнос-айресской русскоязычной и испаноязычной прессе, там же начал пробовать себя как писатель. Занимался политической деятельностью — был в руководстве южно-американского отдела Народно-Трудового союза, одного из крупнейших в этой известной антисоветской организации, благодаря чему имел возможность наблюдать жизнь эмиграции изнутри. Был дружен со многими эмигрантами. По словам И. Андрушкевича, главного редактора эмигрантской «Кадетской переключки», он «был настоящим русским человеком, хотя часто максималистом»¹.

¹ Из личного архива Д. В. Филипчука.

В Аргентине на основе юношеских воспоминаний он начал писать роман «Перекресток», выросший после его возвращения на родину до тетралогии о Второй Мировой войне.

Уникальность Слепухина заключается в том, что он творил в условиях куда более сложных, нежели те, что выпали на долю эмигрантов первой «волны». Ведь в целом литературы как художественного феномена поколение «ди-пи» не создало. Причина легко объяснима. От любого, кто осмеливался затрагивать в своём творчестве «неудобную» эмигрантскую тему, требовалось немалое мужество: донести до читателя трагедию изгнания, не скатившись до карикатурного изображения эмигрантской действительности. Все литераторы, независимо от места проживания, будь то Австралия, или Южная Америка, постоянно чувствовали «руку Москвы», недаром многие из писателей второй «волны» переменяли фамилии. Так, Марченко стал Николаем Нароковым, Филистинский — Борисом Филипповым, Матвеев — Иваном Елагиным, Д. Я. Персидский — Д. Каневским. Не избежал подобной участи, хотя по другой причине, и Кочетков, ставший Слепухиным. Большинство из этих писателей несло в себе страшный «совковый» опыт, неведомый писателям первой эмиграции, в том числе и давление идеологических шаблонов, которыми оказались пропитаны их души.

Утверждённый к началу тридцатых годов «социалистический реализм» был, прежде всего, скрытой формой запрещения традиционного человеколюбия и реализма критического, с его прежде всего беспощадностью к несправедливости. Огромный перечень тем, охватывающих самые разнообразные области человеческой жизни, оказался табуированным для советских писателей 1930–1940 годов, и нарушить это табу значило бы выступить против единственно допустимой и обязательной в СССР идеологии и полицейских норм.

Но, с другой стороны, возникала опасность вседозволенности. На эту опасность указывали многие, писавшие о литературе «ди-пи» — «опасность обличительства и отражательства», т. е. соцреализм наоборот. «Там мне затыкали рот — зато здесь я скажу всю правду. Очень хорошо, говори,

пожалуйста, правду. Это очень важно. Но как ты её скажешь? Не лучше ли написать десяток статей в газетах? Ведь правда, которая при тебе несомненно имеется, огромно велика, и начинать придётся с самого начала, со дня твоего рождения и даже раньше — с октябрьской революции», — писал литературовед О. Михайлов².

Тем не менее, писатели второй «волны» внесли свежую струю в слабеющую литературу русского зарубежья, широко раздвинув рамки проблематики и насытив её новым, малоизвестным жизненным материалом.

Роман «Южный крест», несомненно, относится к шедеврам русской литературы. Но его достоинства шире. По нашему мнению, он обладает и ценностью исторического источника. «Южный крест» позволяет почувствовать метаморфозы отечественного сознания XX века. Ведь всегда интересно знать, как люди думали, как воспринимали значимые исторические события, современниками и участниками которых они были. Стоит ли доказывать, что исследовать «аромат» ушедшей эпохи не только интересно, но и максимально значимо для дня сегодняшнего.

Как известно, тоталитарное сознание не способно адекватно воспринимать окружающее. В частности, для человека, вышедшего из тоталитарного мира и усвоившего его суть, пространство четко разделено на «свое» и «чужое». Если первый компонент общей картины мира должен восприниматься положительно, то второй — только отрицательно. Создаётся иллюзия простоты, элементарности. Она диктует особый способ решения социальных проблем, последовательно разделяя социум на наших и ненаших, хороших и плохих. К бесконечной борьбе между ними сводится, фактически, всё историческое развитие. «Кто не с нами, тот против нас» — это не только фраза, которую хотелось бы оставить в прошлом, это афористическое выражение идеологии простоты, элементарности. Если в мире нет полутонов, нет сложности, переливчатости красок, то неизбежны социальные эксперименты, которыми ужаснул XX век.

² Михайлов О. Литература «второй волны» // От Мережковского до Бродского. Литература Русского Зарубежья. М., 2001. С. 283–284.

Свидетелями этих экспериментов и стали, вне своей воли, герои Слепухина.

«Южный крест» переворачивает привычные ранее смыслы. Образ капиталистической «заграницы» почти начисто лишен негатива. Здесь живут обычные люди. Они работают, любят друг друга, решают общественные проблемы. Характерно, что нет наветов на тяжелое материальное положение трудящихся. Неприкаянными в этом благополучном мире оказываются либо исключительно беженцы — русские первой и второй «волны» эмиграции, немцы, сторонники национал-социалистической идеологии, либо политики — приверженцы левого или, наоборот, правого радикализма.

Капиталистической обыденности противостоит далекая, абсолютно прозрачная Россия. Она лишена конкретики. Ее картины расплывчаты и фрагментарны, как воспоминания ушедшего детства. Это какая-то поэтическая заснеженная степь с церквями и стадами коней. Любовь к родине и вообще-то альтруистична и необъяснима в принципе. Ее любят, по ней тоскуют, но к ней не слишком-то стремятся. Этот образ не нуждается в объективации. Какова реальная жизнь в Советском Союзе, русским эмигрантам, героям романа, неизвестно. И дело здесь не в наличии пресловутого «железного занавеса».

Отсутствие желания вернуться, стремления проверить, достоверен ли любимый образ, означает, что человек оказался не способен вырваться из плена психических и культурных иллюзий. Большинство эмигрантов покинули Отечество из-за идеологических предпочтений. И они, эти предпочтения, продолжают господствовать в душах людей. Миф о России оказывается способом не потерять себя в зарубежной круговерти. Иначе неизбежна ассимиляция, что хорошо понимает главный герой романа, но не все его собеседники. Поэтому изгнанникам неинтересно настоящее, они по преимуществу живут прошлым. Это прошлое мифологизировано. Оно может быть любого политического окраса: от белого до красного, от нацистского до антифашистского.

Параллели двух пространств — российского и латиноамериканского — дополняются двойственностью персонажей. Русский участник французского Соппротивления

оказывается схож с аргентинским революционером. Безалаберная «резвящаяся» бельгийка и русская эмигрантка, изменившая мужу, но не предавшая его, близки друг другу не грешными поступками (они есть), но наличием той подлинной порядочности, которая не девальвируется повседневностью и обыденностью.

Иногда образы романа не только дwoятся, но и становятся тройственными, множественными. Перипетии «Южного креста» связывают воедино белогвардейцев, перонистов и нацистов. Неявные аллюзии присутствует между образами советского дипломата, подлинных патриотов России, антифашистов и участниками аргентинского революционного подполья. Несомненна также переключка между образами России, Германии, Франции, Аргентины и Парагвая.

Зачем Ю. Слепухину потребовались многократные переплетения образов романа? Для занимательности сюжета? Возможно. Но не только. В принципе автор и не скрывает своих намерений. Зашифрованным указанием может служить ироничное описание якобы этнографической экспедиции на территории Парагвая. Ее участники публикуют для неприхотливых читателей очерки о местном колорите, «надерганные» из путеводителей, с тем чтобы скрыть подлинную цель экспедиции — смертельно опасное сражение за справедливость.

Такую же борьбу ведет и Ю. Слепухин. Он, как и его главный герой, борется за истину, за гуманистические идеалы, о которых в послевоенное время, увы, многие успели подзабыть. Мир, который описывает талантливый литератор, несводим к черному и белому. За фабулой приключенческого произведения (экзотическая страна, романтические герои и карикатурно страшноватые гитлеровские недобитки) скрывается острополемическое публицистическое и патриотическое произведение. Оно имеет множество смыслов, оно однозначно антитоталитарно.

Допустимо утверждать, что Ю. Слепухин творил в установленных рамках социалистического реализма. Но при внешней подчиненности архаичным литературным формам он смог наполнить их принципиально новым содержимым.

В целом, данный роман, как и факт его публикации и переиздания в легальной (!) советской прессе есть яркое свидетельство распада отечественного тоталитарного сознания.

Для героя Слепухина Ленинград — несбыточная мечта, оставшаяся в довоенной, другой жизни. Мечта о возвращении в родной город для него не просто самоцель, не способ хоть на время вернуться в страну, которую он вынужден был покинуть. Это вызов системе, вычеркнувшей его и сотни тысяч таких, как он, из списков достойных жить на родине. Можно лишить паспорта. Можно поставить заградительный кордон. Лишить памяти невозможно. Как невозможно — впрочем, почти невозможно — заставить человека перестать быть человеком.

В заключение можно сказать, что писателю и его героям, преимущественно главному герою романа «Южный крест», присуща вечная ценность поиска свободы — великого дара, ценить который нас научил именно страшный XX век.

